

На правах рукописи

УСПЕНСКИЙ Федор Борисович

**Династическое имя
в средневековой Скандинавии
и на Руси**

Специальность 10.02.20 –
*сравнительно-историческое, типологическое
и сопоставительное языкознание*

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Москва – 2004

Работа выполнена
в Отделе типологии и сравнительного языкознания
Института славяноведения РАН

Официальные оппоненты:

Член-корреспондент РАН доктор филологических наук
Молдован Александр Михайлович
профессор, доктор филологических наук
Вендина Татьяна Ивановна
профессор, доктор исторических наук
Мельникова Елена Александровна

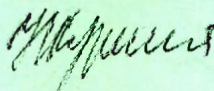
Ведущая организация: **Санкт-Петербургский государственный университет**
Филологический факультет.
Кафедра русского языка

Защита состоится **15 марта 2005 г.** в 15.00 час. на заседании диссертационного совета Д. 002.248.02 по защите диссертаций на соискание учёной степени доктора филологических наук при Институте славяноведения РАН по адресу: *119334 г. Москва, Ленинский проспект, д. 32-А, корпус «В», 9-й этаж.*

С диссертацией можно ознакомиться в диссертационном совете
Института славяноведения РАН

Автореферат разослан **28 января 2005 г.**

Учёный секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук

Н.М. КУРЕННАЯ

© Институт славяноведения РАН, 2004

Диссертационная работа посвящена истории выбора династических имен в средневековой Скандинавии и на Руси. Необходимо сразу же подчеркнуть, что по преимуществу в работе идет речь не об именах как таковых, а об их выборе, иными словами, мы имеем дело не столько с объектами, сколько с функциональными связями между этими объектами.

Коль скоро мы начинаем говорить о бытовании династических имен, мы неизбежно сталкиваемся со всеми теми сложностями, которые подстерегают исследователя при описании скандинаво-русской проблематики. Обращаясь к раннему периоду становления династии Рюриковичей, то есть к X в., мы вынуждены вновь и вновь отвечать на вопрос, является ли конкретный факт, конкретный принцип результатом прямого заимствования от скандинавов к русским, или же мы имеем дело с результатом параллельного развития определенных явлений у этих народов.

Мы стремились рассматривать и династическую историю Скандинавии, и династическую историю Руси отдельно, как некое самостоятельное целое, и говорить о заимствовании лишь в тех случаях, когда подобный взгляд давал для этого явные основания.

В качестве крайне упрощенной схемы можно представить себе дело следующим образом. Придя на Русь и получив здесь власть, скандинавы принесли с собой и собственные принципы имянаречения. Эти принципы несомненно оказали огромное влияние на дальнейший выбор имен в династии Рюриковичей, даже и в ту пору, когда скандинавские ее корни утратили всяческую актуальность. В известном смысле след этого воздействия исчезает или начинает исчезать лишь шестьсот лет спустя, когда в России произошла смена правящей династии.

При этом, разумеется, необходимо учитывать, что за этот весьма протяженный период принципы имянаречения подверглись значительной модификации. Уже в XI—XII вв. выбор имени в династиях Скандинавии и Руси осуществлялся по-разному. Первая существенная «развилка», от которой скандинавы и русские пошли своими путями, приходится на эпоху христианизации, протекавшую в этих странах почти одновременно, но неодинаково повлиявшую на династическое имянаречение.

В дальнейшем подобных разделений и встреч было еще немало. Таким образом, исследуя историю династического имени в Скандинавии и на Руси, приходится говорить об общем типологическом развитии, о ранних и более поздних заимствованиях, а также и о таких процессах, которые

присущи только одной из интересующих нас культурных традиций и не получили своего развития в другой.

В основании династической системы имянаречения лежит принцип, в X в. равно актуальный как для русских, так и для скандинавов. Новорожденного наследника следовало называть в честь умершего родича. Соответственно, в династии существовал строгий запрет на использование имен живущих прямых предков.

Как же функционировал этот принцип у Рюриковичей?

В домонгольский период на Руси были, по-видимому, гораздо более употребительны мирские, княжеские имена, такие как, например, *Святослав*, *Владимир*, *Всеволод*, *Мстислав*, *Ярополк*, *Игорь* и др. Именослов династии был весьма консервативен: новые имена проникали в него с трудом, большая же часть имен повторялась в разрастающемся княжеском роду из поколения в поколение. Повтор, преемственность имен, вообще весьма характерные для родового мира, в данном случае олицетворяли еще и идею преемственности власти, наследственных прав на княжение, на землю.

Если речь шла об имянаречении мальчика, явное предпочтение отдавалось именам предков по мужской линии. Так, самого старшего сына Мстислава Великого называют *Всеволодом*, в честь Всеволода Ярославича, киевского князя и родного прадеда новорожденного.

Почему же именно в честь прадеда, а не, скажем, в честь деда?

Ответ на этот вопрос весьма прост: к тому времени, когда этот княжич Всеволод появился на свет, его родной дед был еще жив, а значит его имя было, так сказать, “занято”.

Второй сын Мстислава Великого получает имя *Изяслав* в честь собственного родного дяди, который погиб в княжеской усобице совсем молодым. Показательно, что имя деда, *Владимир*, получил лишь младший сын Мстислава Великого. Он был намного моложе своих братьев и появился на свет два или три года спустя после того, как умер его дед Владимир Мономах, оставив киевское княжение отцу ребенка Мстиславу Великому. Княжеская родовая традиция как будто стремилась не оставлять «вакантных» имен, подобно тому как никогда не оставались пустующими княжеские столы.

Вообще процесс имянаречения был теснейшим образом связан со стратегией власти. Совпадение имени молодого правителя с именем его умершего предка, уже княжившего на этой земле, означало прежде всего легитимность его права на власть. Быть живым подобием деда или прадеда означало быть законным преемником, наследником его княжеских полномочий. Подобное отношение к структуре княжеской власти надолго переживает прямую, буквальную веру в “реинкарнацию”, переселение душ, и является одной из самых существенных основ для выбора имен в любой правящей династии.

При этом прямое совпадение имени потомка с именем умершего предка не было, разумеется, единственным механизмом установления родовой преемственности. При наречении Рюриковичей достаточно активно использовались и другие средства, например, принцип варьирования родового имени. Этот принцип, довольно хорошо описанный на материале германских двусоставных имен, заключается в следующем: имена детей повторяют отдельные элементы или основы имен родителей.

Так, например, известно, что готский король *Теодемир* (Theodemir) называет сыновей именами *Теодерих* (Theoderich), *Теодемунд* (Theodemund), а дочь получает имя *Амальфреда* (Amalfreda). В свою очередь, его сын *Теодерих* называет своих дочерей *Теодегото* (Theodegote), *Острогото* (Ostrogoto) и *Амаласунта* (Amalasantha), тогда как его сестра *Амальфреда* дает своим детям имена *Амалаберга* (Amalaberga) и *Теодехат* (Theodehat). Наконец, последний (*Теодехат*) подбирает для своих сыновей имена *Теодегизль* (Theodegisl) и *Теоденантис* (Theodenantis).

Германский эпос и старшие рунические надписи сохраняют немало свидетельств о таких варьируемых родовых именах. Так, отца *Сигурда* (Sigurðr) Драконобойцы, как известно из «Старшей Эдды» и «Песни о Нибелунгах», звали *Сигмунд* (Sigmundr). В древненемецкой «Песни о Хильдебранте» мы обнаруживаем персонажа по имени *Херибрант* (Heribrant), который приходится отцом главному герою *Хильтибранту* (Hiltibrant). В свою очередь, сына Хильтибранта, согласно этому же источнику, зовут *Хадубрант* (Hadubrant). В англосаксонском эпосе «Беовульф» одним из действующих лиц является *Хродгар* (Hrōdgār), сын Хеальфдэне (Healfdene). Брата Хродгара звали *Хеорогар* (Heorogar), а сына Хеорогара — *Хеоровэрд* (Heorowearð). В эпосе перечисляются и имена сыновей самого Хродгара: *Хредрик* (Hrēðric) и *Хродмунд* (Hrōdmund). Примеры

подобного рода легко можно было бы умножить, варьирующиеся ряды имен для эпической поэзии — явление, на наш взгляд, далеко не случайное.

С одной стороны, аллитерирующий строй германского стиха естественным образом требовал и аллитерирующего созвучия в именах. С другой же стороны, при выборе имени для реальных исторических лиц, несомненно, имела место ориентация на язык поэзии. Поэтический язык был “языком богов”, языком выстроенным и оформленным. Личное имя, связывающее человека с его земными и небесными прародителями, обозначающее его место в мироздании, также принадлежало сакральному языку. Иными словами, генеалогический перечень является существенным элементом поэтического языка, а поэтический язык, в свою очередь, формирует, так сказать, эфонический поход к выбору имени. В сущности, любой генеалогический перечень строился как поэтический аллитерирующий ряд. Такой “сплав” поэтического и исторического в сочетании имен мы можем воочию наблюдать в старшерунических надписях, где подобное аллитерирующее варьирование имен реальных людей заключено в достаточно жесткую формулу; ср., например, надпись на камне из Истабю (Istaby): **HaruwulfR Heruwulfir wrait runaR þaiaR aftiR Hariwulfa** «Хадувульф сын Херувульфа написал эти руны по Харивульфу».

Реальная практика имянаречения закреплялась в своего рода мнемонических формулах рунического и эпического текста, а эти “формулы”, в свою очередь, задавали образец для последующего выбора имен. При этом варьирование имен не ограничивается только повтором одной из основ имен живущих предков. Коль скоро речь идет о рунических надписях и поэтических текстах, мы имеем дело с созвучием родовых имен и, прежде всего, с аллитерирующим варьированием. В известном смысле, имя потомка должно было быть уподоблено по звучанию имени предка. Повтор одной из основ имени оказался крайне эффективным (но отнюдь не единственным) способом такого уподобления, тем более что он делал очевидным не только звуковое, но и семантическое сходство имен предка и потомка. Реализация этого способа у германцев не ограничивается исключительно королевскими домами. У разных народов он зафиксирован в генеалогической истории знатных, “родовитых” семей.

Генеалогии скандинавских родов, в которых принцип варьирования имени представлен исключительно широко,

демонстрируют, как в одних королевских династиях он рано вытесняется принципом буквального повтора имени умершего предка, а в других королевских и некоролевских семьях интересующие нас принципы сосуществуют и взаимодействуют в течение длительного времени. Так, при всей сложности структуры имянаречения в норвежской королевской династии X—XII вв. можно, как кажется, утверждать, что принцип варьирования имен не играл здесь сколько-нибудь существенной роли. Между тем, у норвежских переселенцев в Исландию он, напротив, был в эту эпоху активно задействован. Обращаясь к «Книге о взятии земли» (*Landnámabók*), повествующей о заселении Исландии, мы находим, например, такие генеалогические последовательности: *Торбьёрн* (*Þórbiörn*) — *Торбранд* (*Þórbrandr*) — *Асбранд* (*Ásbrandr*) — *Вэбранд* (*Vébrandr*), *Торбьёрн* (*Þórbiörn*) — *Торбард* (*Þórbarðr*) — братья *Торарин* (*Þórarinn*) и *Торгильс* (*Þórgils*), *Сэмунд* (*Sæmundr*) — *Геирмунд* (*Geirmundr*) (ср. при этом имя его сестры: *Торлауг*) — *Сельмунд* (*Sölmundr*) — *Гудмунд* (*Guðmundr*), или *Торлак* (*Þórlákr*) и его сыновья *Бергтор* (*Bergþórr*) и *Стейнтор* (*Steinþórr*).

У датских конунгов принцип варьирования, судя по свидетельствам «Беовульфа», был актуален в древности (см. некоторые примеры выше). В IX в. мы еще обнаруживаем этот принцип в именах королевских семей, но ко второй половине X в. его следы в правящей династии теряются, и он уступает место практике наречения в честь умершего предка. Однако рунические камни, оставшиеся на территории Дании и относящиеся к X—XI вв., свидетельствуют о сохранности принципа варьирования за пределами королевского рода.

В этом отношении интересную картину являют собой имена правителей Швеции. Здесь в династии Инглингов мы видим совпадение основ у некоторых легендарных конунгов, таких как *Домальди* (*Dómaldi*) и *Домар* (*Dómarr*) или *Инг(в)и* (*Yngvi, Ingi*), *Ингвар* (*Ingvarr*) и *Ингьяльд* (*Ingjaldr*). В более позднюю, «историческую» эпоху мужские имена Инглингов не подвержены варьированию, в XI в. здесь, как и в других скандинавских династиях, преобладают случаи буквального повтора имен умерших предков. Однако принцип варьирования остается в Швеции актуальным инструментом династической стратегии. С одной стороны, у самих Инглингов продолжают варьироваться основы женских имен. Так, Олав Эйрикссон (Шведский или Шётконунг) называет своих дочерей от наложницы по имени Эдла — *Астрид* (*Ástriðr* < *Ásfríðr*) и

Хольмфрид (Hólmfríðr). Кроме того, в имени его законной дочери *Ингигерд* (Ingigerðr) повторяется имя легендарного основателя династии *Инг(в)и-Фрейра* (Yngvi Freyr); как мы увидим ниже, использование этого имени и в дальнейшем окажется значимым для правителей Швеции.

Нельзя не упомянуть также, что Ингигерд выходит замуж на Русь, за Ярослава Мудрого, и, по-видимому, принимает здесь христианское имя *Ирина*. Не исключено, что при выборе христианского имени для шведской невесты русского князя, наряду с прочим, учитывали и некоторую эфоническую близость имен *Ирина* и *Ингигерд*.

Один из младших детей Ярослава и Ингигерд был наречен *Игорем*. Имя *Игорь*, скандинавское по происхождению (Ingvarr), носил, как известно, один из первых Рюриковичей, сын основателя династии, и потому его появление в семье Ярослава не кажется полной неожиданностью. Существенно, однако, что между первым в династии *Игорем* и Игорем Ярославичем лежат три поколения князей, среди которых мы не знаем ни одного носителя этого имени, кроме того, Игорь Ярославич остается единственным обладателем имени *Игорь* в роду Рюриковичей на протяжении всего XI в.

Подобное воскрешение родового имени, долгое время остававшегося вакантным, — явление не столь уж редкое в истории европейских династий. Тем не менее, каждый такой случай обусловлен, как правило, особыми обстоятельствами, некоторой спецификой в ситуации имянаречения. В то же время, можно предположить, что к середине XI в. на русской почве была не вполне утрачена связь между исходным скандинавским Ingvarr и освоенным на Руси *Игорь*. С появлением у Ярослава жены-шведки по имени *Ингигерд* связь этих имен могла быть вновь актуализирована. Во всяком случае, имя *Игорь* по принципу созвучия родовых имен могло соотноситься с именем его матери.

Если наше предположение верно, то наречение одного из сыновей *Игорем*, с одной стороны, апеллировало к истории отцовского рода, а с другой стороны, подчеркивало связь с родом матери, носившей имя *Ингигерд* (Ingigerðr) и принадлежавшей к династии Инглингов. В пользу такого допущения свидетельствует и то обстоятельство, что Игорь был младшим сыном Ярослава. При той жесткой ориентации на род отца в выборе династических имен Рюриковичей, связь с материнским родом Инглингов могла, как кажется, проявиться лишь в именах младших наследников.

Этот принцип варьирования родового имени был характерен не только для скандинавов, но и для русских, по крайней мере, для русских князей. Вообще говоря, созвучность имен детей с именем отца для народов, у которых, как у скандинавов и русских, есть отчества, — явление универсальное. Пока сохраняются отчества, поддерживается и некоторое стремление к гармонии, корреляции его с именем. Обычай же именовать князя по имени и отчеству делал созвучие между именами отца и сына особенно наглядным, особенно очевидным (ср. *Ярослав Ярополчич, Ярополк Ярославич, Изяслав Мстиславич, Всеволод В(о)лодимерич, В(о)лодимир Всеволодич, В(о)лодимир Володаревич, Ингвар Игоревич* и др.). Учитывая, однако, варяжское, скандинавское происхождение русской династии, а также всю длительную традицию контактов германского и славянского именословов, можно предположить, что у Рюриковичей принцип варьирования является заимствованным.

Действительно, на Руси достаточно рано появляются носители скандинавских имен, у которых имя сына или дочери повторяет одну из основ имени отца. Например, князь, правящий в Полоцке в X в., носил имя *Рогволод*, которое надежно этимологизируется как скандинавское *Ragnvaldr (Rögnvaldr)*. Его дочь звали *Рогнедой*, то есть *Ragnheidr*. Эта Рогнеда стала женой Владимира Святого и прародительницей главной ветви Рюриковичей.

Весьма показательно, какие имена носят сыновья Рогнеды и Володимира Святославича. Большая часть этих имен варьирует имя деда, то есть содержит одну из основ имени *Святослав*. Их зовут, соответственно, *Мстислав, Изяслав, Вышеслав, Ярослав*. У одного из сыновей имя повторяет, однако, одну основу из отцовского имени — его зовут *Всеволод В(о)лодимерич*.

Но наиболее интересно имя еще одного сына крестителя Руси — *Святополк*, в котором воспроизводятся не только первая основа имени деда, но и основа, входившая в имя старшего брата Владимира — *Ярополка Святославича*. Напомним, что речь идет о так называемом Святополке Окаянном, сопернике Ярослава и предполагаемом убийце святых Бориса и Глеба. Хорошо известно предание о его появлении на свет. Мать Святополка была женой Ярополка Святославича, и Владимир «залеже жену братьню Грекиню. и бе непраздна. от нея же роди Святополка». Кроме того, в летописи утверждается, что Владимир не любил Святополка «бе бо от двою отцю от Ярополка и от Володимира».

Показательно, что Святополк был единственным из детей Владимира, кто получил имя, содержащее элемент *-полк*, т. е. со всей очевидностью воспроизводящее одну из основ имени *Ярополк*. Разумеется, это не может быть прямым доказательством отцовства Ярополка Святославича, однако, на наш взгляд, такое имянаречение придает бóльшую достоверность преданию о его появлении на свет. Имя новорожденного не воспроизводит буквально имени одного из возможных отцов, но при этом явно актуализирует связь с ним. Необходимо учитывать, что наречение в честь дяди по отцу было бы делом вполне обычным. Подобное же комбинирование с использованием одной из основ имени старшего родича может, как кажется, отражать те “сомнения” Владимира, о которых повествует летопись и другие источники. Вместе с тем, первая из основ имени Святополка демонстрирует, что он, во всяком случае, был внуком Святослава Игоревича.

Подчеркнем, что когда родовое имя варьировалось, воспроизводилось лишь частично, с одной стороны, соблюдался запрет на прямой повтор имени живущего, а с другой стороны, поддерживалась преемственность родовых прав.

Итак, мы назвали два весьма важных принципа выбора династического имени — принцип буквального повтора имени умершего предка и принцип варьирования родового имени. Однако систему имянаречения у Рюриковичей, чей род разрастался и дробился в каждом следующем поколении, невозможно описать, исходя исключительно из вертикальных связей (т. е. связей, направленных от предков к потомкам). Если отец, определяющий династические перспективы ребенка, и располагал к этому моменту максимальной полнотой власти, он в той или иной степени все же вынужден был считаться с существованием властных претензий всех ныне живущих родичей княжеского происхождения. Едва ли не самыми существенными при этом оказывались претензии его братьев — дядьев нарекаемого наследника.

Противостояние между дядьями и племянниками, младшими сыновьями и старшими внуками, вообще составляют львиную долю династических конфликтов европейского Средневековья. Особенно часто это происходило в обширном роду Рюриковичей, где правнуки и праправнуки одного князя то и дело делят между собой наследство общего предка. Парадоксальным образом, княжеские права

одновременно и разобщают род, т. е. служат поводом для постоянной внутриродовой борьбы, и объединяют его. Именно притязания на власть формируют длительную генеалогическую память, актуализируют достаточно отдаленное кровное родство и вторичным образом делают «братьями» всех многочисленных Рюриковичей, которые во внединастической родовой практике были бы, по-видимому, куда более изолированы друг от друга.

Наречение новорожденного именем живого дяди со стороны отца подразумевает наиболее непосредственную реакцию на текущую политическую ситуацию. Существовал достаточно жесткий запрет на именование в честь живого предка по прямой линии, при этом никакого запрета на совпадение имен у родичей отдаленных в династии не было. Дядя в этом отношении представлял собой, по-видимому, фигуру двойственную с точки зрения допустимости использования его имени.

Двойственное положение по отношению к детям брата дядя занимал и по другой причине. Действительно, именно он — в случае смерти брата — был потенциальным покровителем и защитником осиротевших племянников. При этом на протяжении всей известной нам домонгольской истории Рюриковичей дядья по отцу зачастую оказывались естественными врагами и конкурентами подрастающих сыновей своих братьев.

Все возможные случаи совпадения имен живого дяди и племянника, по сути дела, сводятся к двум схемам. Племянник получает имя в честь живого дяди, или оба они называются в честь общего, одного и того же умершего предка. Первая схема — племянник назван в честь дяди — устанавливает скорее особую связь дружбы и покровительства между старшим и младшим родичами. При реализации же второй схемы — дядя и племянник названы в честь одного и того же предка — речь может идти, скорее, о конкуренции, своего рода вытеснении дяди из цепи преемственности наследников власти.

Любопытно, что если старший из мальчиков, главный наследник отца, оказывался тезкой своего живого дяди, это означало, что дядю стремятся по возможности оттеснить на периферию рода. Если же в честь дяди назывался кто-либо из младших княжичей, это с большей вероятностью означало желание укрепить союзнические отношения между братьями, а позднее между племянниками и дядей, передать младших родичей «на руки» старшему.

Нередко между братьями князьями заключался особого рода договор, согласно которому тот из братьев, кто переживет другого, принимает под свое покровительство (или, в терминологии того времени, берет себе в сыновья) племянника. Такой договор относительно сыновей существовал, например, между Мстиславом Великим и его братом Ярополком Владимировичем, которому Мстислав завещал Киев после своей смерти. Такой же договор был между Юрием Долгоруким и его рано умершим братом Андреем Добрым. Характерно при этом, что один из самых младших сыновей Мстислава назван *Ярополком*, т. е. в честь дяди, будущего покровителя, а у Юрия Долгорукого, в свою очередь, третий сын получает имя *Андрей*, также в честь дяди, с которым заключен договор (Андрей Юрьевич, который впоследствии прославится как Андрей Боголюбский).

С другой стороны, мы знаем немало случаев пожизненной ожесточенной конкуренции между тезками — племянником и дядей, конкуренции, заложенной уже при именовании младшего из них. Таких примеров немало, например, в черниговской ветви Рюриковичей, где соперничество за родовое наследие было особенно жестким и, соответственно, была очень велика теснота антропонимического ряда, борьба за имена великих предков, таких, например, как *Святослав* и *Олег*. Множество *Святославов Ольговичей* и *Олегов Святославичей*, действующих на исторической арене в течение XII в., производит впечатление даже при поверхностном взгляде на историю черниговских князей.

Женские пекалендарные имена в Древней Руси сохранились куда хуже, чем мужские. Женщина нередко появляется на страницах русских летописей или в текстах берестяных грамот, но при этом чаще всего она упоминается без указания ее собственного имени, по мужу или по отцу — *Мстиславна*, *Ярополчя*, *Всеволожя*. Подобное именование женщин часто было простой фиксацией родовой принадлежности. До свадьбы она принадлежала к роду и дому своего отца и потому нередко именуется исключительно по отчеству. После свадьбы женщины именуется по мужу, иногда с упоминанием только его имени, а иногда с указанием имени его отца. Тем самым обозначается ее переход в другой род — в род мужа, и, на первый взгляд, если судить по именованию, этот переход был достаточно полным и окончательным. Во всяком случае, овдовев, женщина, как правило, продолжает называться по роду мужа.

Личные имена княжон и княгинь дошли до нас далеко не в полном объеме, но все же они представлены несколько лучше, чем имена женщин не княжеского происхождения. Судя по княжескому именованию, двуименность (о которой мы подробнее будем говорить ниже) в домонгольской Руси распространялась не только на мальчиков, но и на девочек — мы знаем, например, таких княгинь, как *Ольга-Елена*, *Верхуслава-Анастасия*, *Сбыслава-Пелагея*, *Ростислава-Феодосия*... Родовые имена у женщин из династии Рюриковичей, так же как и у мужчин, повторялись из поколения в поколение. Некоторые женские имена очевидно составляли пару соответствующим мужским — так, известны княжеские имена *Ярослав* и *Ярослава* или *Всеслав* и *Всеслава*. При этом иногда пары к именам княжон и князей обнаруживаются в каких-то знатных русских родах или в династиях, правящих за пределами Руси (ср. например, *Сбыслав* и *Сбыслава*, *Святослав* и *Святослава*). Однако у Рюриковичей мы встречаем немало женских имен, не основанных на этом принципе парности.

Как правило, девочкам давались имена по той же схеме, что и мальчикам: княжон преимущественно называли в честь умерших родственников. Вместе с тем, их имянаречение не было столь строго задано стратегией власти, оставляло несколько больший простор для инноваций и разного рода экспериментов. Порой, пока у князя не было сыновей, он явным образом называл дочь в честь деда или более отдаленного предка по мужской линии. Судя по всему, именно таким образом поступил в свое время Мстислав Удатный, дав одной из старших дочерей имя *Ростислава*, явно связанное с именем его собственного деда Ростислава Мстиславича Смоленского. Сходным образом действовал, возможно, и волынский князь Владимир Василькович, который удочерил девочку и изобрел для нее “архидинастическое” имя *Изяслава*, отсылающее к именованию его дальнего предка, киевского князя Изяслава Мстиславича.

В целом женские имена оказываются существеннейшим элементом династической стратегии, связанной как с политикой рода на собственной земле, так и с его внешними устремлениями. Условно говоря, мужские имена составляют более твердую и устойчивую часть именователя, а женские имена — его гибкий, подвижный элемент. История женских имен как таковых тесно связана с историей обмена именами между двумя ветвями рода, а зачастую и двумя разными династиями, вступающим в союз благодаря бракам. Как уже упоминалось, корпус женских имен более восприимчив к

повнествам, и, что не менее существенно, родовые связи, устанавливаемые через женщин служат источником нового для всего именованного в целом.

Характерно, что при общей скудости наших знаний о женских именах домонгольской Руси, мы уже с конца XI в. располагаем все же довольно обильными данными о христианских именах представительниц рода Рюриковичей. Эти имена также могли повторяться из поколения в поколение, становиться родовыми в полном смысле этого слова. Немалую роль в династической истории сыграли, по-видимому, христианские имена тех князей, которые приняв постриг, учреждали монастыри, совершали паломничества и наставляли своих родичей в религиозной жизни.

Скандинаво-русские контакты в области имен замечательны своей «многоступенчатостью». Значительное количество варяжских имен проникает на Русь еще в дописьменную эпоху, не позднее X в. Некоторая часть этих имен усваивается и к моменту крещения Руси, по-видимому, уже воспринимается как собственные, родовые имена. Варяжскими по происхождению именами называют не только князей, однако часть этих имен ассоциируется именно с княжеским антропонимиком. Позднее, в XI — XII вв., когда в Скандинавии и на Руси уже существовали христианские государства, благодаря династическим бракам на Русь попадают новые скандинавские имена, а в Скандинавию — славянские. Именослов правящих династий становится, тем самым, своеобразным зеркалом международных контактов.

При этом важно учитывать, что традиция именованья в правящих династиях как на Руси, так и в Скандинавии, была чрезвычайно консервативна в том, что непосредственно касалось выбора имени для основных, явных наследников власти. Те мальчики, которые готовились к роли правителя у себя на родине, получали традиционные, родовые имена.

Передавая имена основным членам рода строго по мужской линии, династия сохраняла тем самым свою цельность и единство. Будущий наследник, благодаря династическим бракам, мог быть связан узами кровного родства со множеством правящих домов Европы, но по своему имени и положению он сохранял культурно-политическую и в определенном смысле этническую идентичность, тождество с родом своих предков. Любые изменения в этой сфере

символизировали существенные изменения в жизни средневековой династии.

Необходимо отметить, что инновации в династический антропонимикон могли проникать двумя принципиально отличными способами. До сих пор речь шла о принципах именованья главных наследников рода, будущих правителей — здесь изменения были крайне редки, но могли проистекать весьма бурно, на протяжении жизни одного-двух поколений, когда менялся самый облик династии в целом. С другой стороны, антропонимикон правящих домов не ограничивался именами полноправных наследников. Имянаречение его второстепенных членов — дочерей, побочных сыновей, потомков по женской линии — предполагало большую проницаемость для внешних влияний. Можно сказать, что имена этих членов рода выполняли «дипломатические», посреднические функции. Обеспечивая и подтверждая новоприобретенное родство, откликаясь на требования церкви, имена второстепенных членов рода постепенно расширяли рамки династического именованья. В династический обиход исподволь вводились новые имена, создающие потенциальный ресурс для наречения главных наследников.

Существование разносторонних и обширных связей между славянами и скандинавами в X — первой половине XI в., как кажется, давно уже не вызывает сомнений. Археологические свидетельства этих связей весьма обильны, тогда как данные письменных источников не столь многочисленны, а потому нуждаются в пристальном внимании.

В подобной ситуации особенно ценным материалом являются собственные имена — в них, с нашей точки зрения, сфокусирован целый ряд исторических и собственно лингвистических проблем, связанных со славяно-скандинавскими взаимоотношениями. Особенно показательны здесь имена представителей правящих родов.

В высшей степени характерна для славяно-варяжских контактов рассматриваемой эпохи судьба мужского и женского вариантов славянского имени *Святослав* — *Святослава*. В англосаксонском памятнике (*Liber Vitae of New Minster Winchester*) среди ближайшей родни датского и английского конунга Кнута Свейнссона Могучего (ум. в 1035) упоминается его сестра, чье имя приведено в латинизированной форме *Santslaue*. Не вызывает сомнений, что за этой формой стоит славянское имя, представленное, например, в польском как *Świętosława*.

Вообще говоря, известно не так много носителей этого имени среди славян в X — XI вв. О его происхождении и этапах бытовании на славянской почве строилось немало предположений, но все они относились скорее к мужскому варианту этого имени. Большая часть их связана с русским князем Святославом, сыном Игоря, жившим на несколько десятилетий раньше, чем датская Святослава.

В совпадении имен этих персонажей причудливым образом отражается сходство их происхождения, но тем контрастнее проявляются различия их династических судеб. Одно и то же имя, по-видимому, призвано было выполнить совершенно различные функции в ситуации наречения девочки, родившейся в семье датского конунга, и мальчика, которому суждено было жить и княжить на Руси. Тем не менее, мотивы имянаречения сына Игоря и Ольги, как кажется, могут быть поняты яснее на фоне имянаречения «датчанки» Святославы.

Мы знаем о довольно многочисленных родственных связях датской династии со славянскими правителями в X — XI вв. О Святославе сказано только, что она приходилась сестрой будущему конунгу Англии и Дании, знаменитому Кнуту Свейнссону (Могучему). Известно при этом, что у отца Кнута — Свейна Харальдссона Вилобородого — была жена славянского происхождения. В различных источниках о ней содержатся несколько противоречивые сведения, хотя ее принадлежность к польскому королевскому роду не вызывает сомнений. По версии Титмара Мерзебургского (ум. в 1018 г.) женой Свейна и матерью его сыновей, Кнута и Харальда, была дочь Мешко I и, соответственно, сестра Болеслава Храброго. Из сочинения Адама Бременского и из более поздних исландских саг следует, что Свейн Вилобородый был женат на вдове шведского короля Эйрика Победоносного, при этом в одной из схолий к Адаму Бременскому упоминается, что жена Эйрика Победоносного была родом из Польши и приходилась королю Болеславу «то ли сестрой, то ли дочерью». Таким образом, мы можем заключить во всяком случае, что датский конунг Свейн Вилобородый был женат на польской принцессе, и именно она была матерью его сына Кнута Могучего. Естественно предположить, что она же была и матерью его сестры со славянским именем *Святослава*.

Имя *Святослава* можно рассматривать как женское родовое имя для польской династии Пястов той эпохи. Так, в частности, звали дочь польского князя Казимира Восстановителя, правившего с 1038 по 1058 гг. Вероятнее всего, сестра Кнута получила имя,

акцентирующее связь с родом матери — так сказать, родовое имя по женской линии.

Замечательно, что эти славянские родовые связи были значимы и для самого Кнута Могучего. По свидетельству одного из источников (*Encomium Emmae*), после смерти отца Кнут и его брат ездили в Склавонию (по-видимому, в Польшу?), где скрывалась их мать.

Более того, эти славянские связи отразились и в именовании Кнута, но гораздо более косвенно, чем в имени его сестры. При рождении он получил исконное скандинавское имя Кнут, ставшее со временем одним из излюбленных имен датской королевской династии. Под этим именем он правил Данией, Англией и Норвегией. Однако родовое имя Кнут было мирским именем этого правителя — датские конунги, при крещении, подобно русским князьям, получали второе имя. Таким крестильным именем Кнута, по свидетельству Адама Бременского, было имя *Ламберт*. Вероятнее всего Кнут был наречен в крещении *Ламбертом* потому, что такое же имя носил его близкий родственник с материнской стороны, польский король Мешко-Ламберт II (1025 — 1037 гг.), сын Болеслава Храброго.

Итак, Кнут Могучий и его сестра Святослава, по-видимому, были славянами по крайней мере наполовину. Принадлежность по женской линии к знатному славянскому роду напрямую отразилась в имени *Святославы*, но скорее всего это произошло именно потому, что в датском правящем роду ее место было весьма скромным — не случайно до нас дошло лишь одно, краткое упоминание о ней. С другой стороны, славянские родовые связи ее брата — одной из ключевых фигур датского Средневековья — оказались явно отодвинуты на второй план и в том, что касается его имени, и в том, что касается событий его жизни.

В некотором смысле имя задает родовую принадлежность и судьбу отпрыска правящей семьи в гораздо большей степени, чем биологическая принадлежность к тому или иному этносу. Нам ничего не известно о специфически прославянской ориентации Кнута Могучего, однако его, так сказать, личные, биографические контакты со славянскими родичами возможно не исчерпываются поездкой в Склавонию к матери.

Не исключено, что у Кнута и Святославы было славянское родство не только со стороны матери, хотя, по-видимому, этот факт не поддается строгой верификации. Дело в том, что женой их деда по

отцу — Харальда Гормссона Синезубого — была славянка. Мы не знаем наверняка, приходилась ли она бабкой рассматриваемым персонажам датской истории, то есть была ли она матерью Свейна Харальдссона Вилобородого. Достоверно известно, что она была дочерью некоего Мстивоя, по-видимому, правителя славянского племени ободритов. Внук этого Мстивоя, Готшалк, согласно Адаму Бременскому, мстя за гибель отца, истреблял саксов, был пойман, но вскорости отпущен, после чего бежал к королю Кнуту Могучему и долгое время жил вместе с ним в Англии. По-видимому, то обстоятельство, что именно Кнут дает убежище вождю ободритов следует рассматривать как косвенное подтверждение того, что Мстивой, отец Товы, был их общим предком.

Таким образом, можно предположить, что по крови Кнут Могучий был гораздо больше славянином, чем скандинавом, что не мешало ему быть датским конунгом, органично вписывающимся в контекст эпохи викингов и достачно дистанцированным от участия в событиях славянского мира.

Сама Това, дочь Мстивоя, хотя известно о ней очень немного, может служить ярким примером того, как женщина-славянка вовлекается в культурную традицию скандинавского рода. Мы знаем о ней лишь из надписи на поставленном ею руническом камне, датированном второй половиной X в.: «Това дочь Мстивоя, жена Харальда Доброго сына Горма, велела сделать этот памятник по своей матери» **tufa • IEt • kaurua • kubl|mistiuis • tutir • uft • muþur | sina • harats • hins • kuþa • kurms | kuna | sunaR.**

Това следует скандинавскому обычаю ставить памятный знак по умершему родственнику, причем она переносит этот обычай на членов своего собственного рода. Редкой особенностью ее камня является отсутствие имени поминаемого родича, при этом на нем есть имя самой Товы, ее отца, мужа и даже ее свёкра Горма. Совершенно очевидно, что заказчица надписи осознает себя представителем именно этого скандинавского рода, она как бы экстраполирует обычаи своей новой родни на собственных предков. Характерно, что все имена, представленные в надписи, актуальны именно в скандинавской перспективе, значимы для датчан: Харальд и его отец Горм — датские конунги, а Мстивой, отец Товы, часто контактировал с датчанами и принадлежал к числу их потенциальных союзников. Имя ободритского князя, таким образом, не было пустым звуком для датского окружения его дочери. Не исключено, что нетривиальный факт отсутствия на поминальном камне имени матери Товы — того

человека, по кому камень был поставлен – объясняется тем, что она носила славянское имя, которое ничего не сообщало датчанам.

Имя жены Харальда — *Това* — со всей определенностью является скандинавским. Мы ничего не знаем о том, была ли она переименована и было ли у нее второе имя славянского происхождения. Случаи подобного переименования славянских жен скандинавских правителей известны лишь для гораздо более позднего времени и устроены обычно довольно сложно: так, одна из жен Вальдемара II (ум. в 1241 г.), Драгомира, становится *Маргаретой* на датской почве, а ее изначальное славянское имя трансформируется в устойчивое прозвище *Дагмэр*.

В случае с *Товой* для нас важно, что скандинавское имя у нее несомненно было, и именно его она заказала вырезать на руническом камне, поставленном по своей матери.

Итак, внучка (?) *Товы*, *Святослава*, получила славянское имя, по-видимому, потому, что, с одной стороны, связь с родом *Пястов* была достаточно престижна и значима для датских конунгов, а, с другой стороны, *Святослава* ни в коей мере не мыслилась в качестве основной наследницы датского престола. Ее братья получили имена *Кнут* и *Харальд*, подчеркивающие их связь с династией и с датской державой в целом, и лишь крестильное имя *Кнута* косвенным образом могло напоминать о связях с Польшей. Такой подход к выбору имени характерен для скандинавских правящих родов в целом.

Тем показательнее в этой связи славянское имя русского князя *Святослава*, чьи родители известны под своими скандинавскими именами (*Ольга / Helga* и *Игорь / Ingvarr*). Будущий наследник должен был бы получить скандинавское имя в честь предка по мужской линии. То обстоятельство, что его нарекают славянским именем, показывает, что отсчет истории рода в некотором смысле начинается заново. Род пришлых правителей демонстративно переориентируется на местные связи, важность же прежних скандинавских связей заметно убывает, хотя еще долго не утрачивается полностью.

Говоря о следующем важнейшем этапе скандинаво-русских контактов, уместно вспомнить о шведской принцессе *Ингигерд*, которая была выдана замуж за *Ярослава Мудрого* и привезла с собой своих приближенных, осевших на Руси и давших начало нескольким знатным русским родам. Дети *Ярослава* и *Ингигерд*, по-видимому, росли вместе с будущим правителем Норвегии и Дании *Магнусом*

Олавссоном Добрым, которого отец, конунг Олав Святой, отдал на воспитание своим русским родичам. Елизавета Ярославна, одна из дочерей Ингигерд, выходит замуж за другого норвежского конунга, знаменитого Харальда Сурового, и переселяется в Скандинавию. Подобный “обмен невестами” между русским и скандинавским правящими домами осуществлялся почти непрерывно, родство постоянно возобновлялось и поддерживалось.

Последний и едва ли не самый интересный всплеск скандинаво-русских династических связей приходится на время княжения Мстислава Владимировича Великого. Мстислав был старшим сыном Владимира Мономаха и Гиды, англосаксонской принцессы, дочери Харальда Годвинсона. От своего английского деда, погибшего в битве при Гастингсе в 1066 г., Мстислав получил одно из своих родовых имен — *Харальд*. Именно как *Харальд* (*Аральт*) он фигурирует в различных западноевропейских источниках, и прежде всего в исландских сагах.

О международной, выходящей за пределы Руси политике Мстислава Великого нам известно не так уж мало. Эта политика оказалась запечатленной не в летописях и документах, а в первую очередь в истории его семьи. Мстислав был женат первым браком на дочери шведского конунга Инги Стейнкельссона Старого, Кристине (Христине). Начало их совместной жизни связано со временами новгородского княжения Мстислава. В Новгородской первой летописи сохранилось упоминание ее имени, и в Новгороде же была найдена ее личная печать с именем святой Христины.

Именно шведка Кристина была матерью большей части сыновей и дочерей князя. Естественно предположить, что их дети, а вероятнее всего и сам Мстислав, владели шведским языком. Однако от матерей и бабушек юные князья учились не только языкам. Они узнавали, по-видимому, и историю материнского рода, дела и подвиги своих иноземных предков. Они рождались с правителями других стран в первую очередь благодаря сестрам, и, разумеется, благодаря собственным бракам со знатными иностранками. Политические и военные союзы в каждом поколении “обновлялись” с помощью женщин. Браки создавали сложную систему межгосударственных отношений, браки же придавали ей и некоторую устойчивость, сохранявшуюся вопреки быстротечному изменению практических, сиюминутных интересов.

Тем интереснее судьба принадлежащих к роду Рюриковичей княжон, чья жизнь протекала вне Руси и кто по воле своих родичей

должен был стать своеобразным связующим звеном между Рюриковичами и другими правящими домами Европы. Браки дочерей Мстислава Великого могут служить едва ли не самым ярким образцом княжеской матримониальной стратегии, тем более что дочерей у него было много, а престиж этого князя на Руси и за ее пределами был весьма высок.

В русских и иностранных источниках сохранились упоминания по крайней мере о семи дочерях Мстислава Великого. Одна из дочерей Мстислава, чей муж сделался киевским великим князем, уговаривает его отдать своему брату новгородское княжение. Другая, выданная замуж за Брячислава Давыдовича из Полоцка играет определенную роль в конфликте Мономашичей и клана полоцких князей. Брак еще одной Мстиславны, возможно, распался из-за распри между ее отцом и ее мужем, Ярославом Святополчичем. Однако сведения об именах всех этих женщин ненадежны и противоречивы, в летописных источниках они отсутствуют, тогда как имена их мужей и братьев хорошо известны.

В летописи сохранилось имя всего лишь одной дочери Мстислава — *Рогнеда*. Очевидно, что ее назвали родовым для Рюриковичей именем — так звали, например, мать Ярослава Мудрого — и притом это имя, примечательным образом, было скандинавским по происхождению (*Ragnheiðr*). Мы находим упоминание о Рогнеде в описании кончины ее брата, великого князя Ростислава-Михаила Мстиславича. В этом повествовании она выступает как самостоятельное действующее лицо, страдает тяжело заболевшему брату, дает ему советы. Можно предположить, что в эту пору (к 1168 г.) Рогнеда Мстиславна была вдовой, но мы можем лишь гадать о том, за кем она была замужем и можно ли ее отождествить с кем-либо из ранее упоминавшихся безымянных дочерей Мстислава.

С точки зрения исторической памяти, больше “повезло” тем Мстиславнам, которые были выданы замуж за представителей других династий. В иностранных источниках прекрасно сохранились их имена, сохранены для потомков и многие события их жизни. Одна вышла замуж за венгерского короля Гезу II, другая (о ней как раз сведений почти не сохранилось) — за кого-то из членов византийской императорской фамилии (по мнению некоторых исследователей, за сына Иоанна II Комнина Алексея). Еще две дочери князя Мстислава были женами скандинавских правителей, и потомки Мстислава

Великого стали впоследствии знаменитейшими королями Дании и Норвегии.

Княжон, отданных в Скандинавию, звали *Мальфрид* (*Мальмфрид*) и *Ингибьёрг*. Мальфрид Мстиславна вышла замуж за норвежского конунга Сигурда Крестоносца, Ингибьёрг же стала женой датского принца Кнута Лаварда. Имя *Ингибьёрг* сохранилось в сагах, а имя ее сестры *Мальфрид* присутствует, кроме того, у хронистов XII в., есть оно в датском фольклоре и, что, пожалуй, наиболее существенно, — в дошедшем до нас оригинале грамоты от 1135 г., где она названа «королевой Малфридой» (*Malfride regina*).

По-видимому, оба брака устроила тетка девушек по материнской линии, знаменитая Маргарета Фридкулла (“Дева мира”), родная сестра княгини Кристины. Судьба самой Маргареты замечательна не только тем, что она успела побывать замужем за двумя королями, но и тем, что она стала полноценной соправительницей своего последнего мужа, короля Дании Нильса. Достаточно упомянуть, что во времена ее правления в первый и последний раз за всю историю Скандинавии на монетах стали чеканить не только имя короля, но и имя королевы.

Влияние Маргареты не ограничивалось одной Данией. Королева, состоящая в родстве со всеми правящими домами Северной Европы, стремилась поддерживать мир между ними сугубо женскими средствами. Она подбирала крестных родителей, подыскивала подходящих женихов и невест для всей своей многочисленной родни, разбросанной по разным странам. Пока Маргарета была жива, вся созданная ею система родства и свойства “работала” успешно, и лишь после ее смерти она стала давать сбои, однако многие группировки и коалиции, взращенные королевой, надолго переживают Маргарету Фридкуллу.

Мальфрид Мстиславна приходилась Маргарете родной племянницей, а Сигурд Крестоносец был ее пасынком по первому мужу, королю Норвегии Магнусу Голоногому. Согласно рассказу нормандского хрониста XII в., Ордерика Виталия, Сигурд, возвращаясь из крестового похода на Иерусалим, остановился на Руси и взял там в жены дочь короля Мальфриду (*Per Russiam vero remeans, Malfridam, regis filiam, uxorem duxit, domumque reversus, paulo post, regnum, dante Deo, suscepit*). Этот рассказ выглядит весьма правдоподобно, так как путь крестносцев домой нередко пролегал через Русь. Разумеется, приезд Сигурда ко двору Мстислава, где

княгиней была сестра его мачехи, был далеко не случаен, скорее всего, и планы сватовства были составлены женской родней заранее.

Имя королевы, привезенной с Руси, Мальфрид, очевидно, пришлось по вкусу ее новым подданным. Оно походило на женские скандинавские имена, хотя не было собственно скандинавским по происхождению. Судя по всему, Мальфрид Мстиславна была первой носителем этого имени во всей Скандинавии, тогда как на Руси оно было известно в роду Рюриковичей уже с конца X в. Летопись под 1000 г. упоминает о смерти некой Малфредь, которая, вне всякого сомнения, была как-то связана с крестителем Руси князем Владимиром Святославичем. Упоминается в русской летописи и еще одна носительница этого имени, Мальфрид Юрьевна, которая была приблизительно на два поколения младше нашей Мальфрид Мстиславны. Таким образом, это имя, германское по происхождению, рано прижилось в правящей династии на Руси и лишь позднее, в XIII — XIV вв., распространилось в Скандинавии. Вероятнее всего, здесь оно вошло в моду как раз из-за того, что его носила русская по происхождению королева.

В Норвегии Мальфрид родила дочь, названную Кристиной в честь оставшейся на Руси бабушки. Между тем, ее брак с Сигурдом складывался, как кажется, не очень удачно. Как рассказывается в исландской саге, незадолго до своей смерти Сигурд оставил Мальфрид и собирался взять в жены другую женщину, некую Цецилию. Из-за этого он даже поссорился со своим епископом, который считал, что брак короля не может быть расторгнут. Мы не знаем, оставалась ли Мальфрид Мстиславна после своего фактического развода в Норвегии, однако к отцу на Русь она, судя по всему, не вернулась. В 1130 г. Сигурд Крестоносец умирает, и Мальфрид незамедлительно выходит замуж вторично за датского короля Эйрика Незабвенного (Эмуна).

Любопытно, что на Руси в эту пору княгиня, овдовев, как правило, не выходила замуж снова. Иначе обстояло дело в Скандинавии, да и, пожалуй, во всей Западной Европе. Лишившаяся мужа дочь европейского правителя могла быть вторично выдана замуж отцом, или устроить свой брак самостоятельно, тем более что при заключении каждого брачного союза она зачастую получала в личное распоряжение немалое земельное имущество. Дочери русских князей, выходя за иностранных государей, легко перенимали местные обычаи, и второй брак становился для них поступком вполне естественным. Так, Анна, дочь Ярослава Мудрого, побывав замужем

за королем Франции Генрихом I, после его смерти вышла за графа Рауля де Крени и Валуа. Во Франции, правда, подобное событие сопровождалось скандалом, в Скандинавии же повторный брак королевы всегда воспринимался достаточно спокойно — вдовам конунгов случалось выходить замуж как за других королей, так и за своих подданных.

Второй брак Мальфрид Мстиславны устраивался, когда ее могущественной тетки, Маргареты Фридуллы, уже не было в живых. В определенном смысле, однако, и эта свадьба была как бы «последним аккордом» брачной политики Маргареты: новый зять Мстислава, Эйрик Незабвенный, был братом Кнута Лаварда, уже женатого на сестре Мальфрид Ингибьёрг Мстиславне. Единокровные братья, таким образом, оказались вдобавок свояками, женатыми на родных сестрах.

Когда Мстислав и Кристина выдавали замуж Ингибьёрг за Кнута Лаварда, тот не был королем Дании, хотя у него имелись определенные шансы со временем занять датский престол. Могущественный конунг Дании Свейн Эстридссон, основатель династии, приходился ему родным дедом, однако у Свейна было 14 сыновей и множество внуков, между которыми непрерывно шла борьба за власть. Эта борьба и послужила причиной гибели Кнута Лаварда. В 1131 г. его предательски убил собственный крестник и двоюродный брат — Магнус, сын Нильса и Маргареты Фридуллы.

Судьба Ингибьёрг оказалась гораздо теснее связана с домом родителей, чем судьба ее сестры Мальфрид. К моменту гибели мужа Ингибьёрг находилась у своего отца на Руси. В саге рассказывается, что она приехала сюда на время родов. Действительно, ее сын появился на свет на Руси при дворе своего деда, киевского князя Мстислава Великого, а отец мальчика, согласно саге, погиб за семь дней до его рождения. С этого момента, казалось бы, уже ничто не предвещало внуку Мстислава счастливой политической судьбы в Дании. По-видимому, именно так и объясняется выбор имени для мальчика: он был назван *Владимиром* в честь Владимира Мономаха, своего знаменитого прадеда с материнской стороны.

Будь он Рюриковичем, такой выбор имени был бы совершенно закономерным. Наследнику, будущему князю всегда давалось имя в честь умершего предка, и родной прадед был, разумеется, самой подходящей «кандидатурой», коль скоро дед ребенка был еще жив. Примерно в это же время в семье Мстислава

появился еще один Владимир, сын самого великого князя от второго брака. Дядя и племянник оказались тезками и почти ровесниками. Они были названы в честь одного и того же предка, но если дядя, Владимир Мстиславич, был наречен в полном соответствии с родовой традицией, то имянаречение сына Кнута Лаварда и Ингибьёрг было событием, выходящим за рамки обычной практики. По отцу он был датчанином, законным членом королевской семьи, да еще и единственным сыном и наследником Кнута. Следовательно, он должен был получить имя в честь кого-либо из своих умерших предков-датчан, представителей отцовского рода. Выбор имени для девочки предполагал бóльшую свободу, имя же мальчика непременно должно было подчеркивать его принадлежность к роду отца. Тот факт, что сын Ингибьёрг получил при рождении имя *Владимир*, со всей наглядностью демонстрирует планы его русской родни: мальчик должен был остаться на Руси, в недрах материнского рода.

Действительно, детские годы Владимира (Вальдемара) были связаны с Русью. Однако впоследствии судьба Вальдемара сложилась достаточно неожиданным образом. Он вернулся в Данию, вступил в борьбу за престол и через некоторое время оказался единовластным правителем всей датской державы. Сын Ингибьёрг стал одним из самых прославленных правителей Северной Европы, основателем новой династии. При нем был провозглашен святым его отец Кнут Лавард, а имя самого Вальдемара на многие столетия закрепилось в королевской семье и распространилось по всей Скандинавии.

Мы не знаем, вернулась ли Ингибьёрг Мстиславна в Данию или осталась при братьях на Руси (ее отец умер довольно скоро после рождения внука). Ни в русских, ни в скандинавских источниках о её дальнейшей судьбе ничего не сообщается. Во всяком случае, про двух дочерей Ингибьёрг — старших сестер Вальдемара Кнутссона — достоверно известно, что они вышли замуж за скандинавов. Одна из них, названная в честь своей бабушки Кристиной, стала женой норвежского короля. Правда, история ее замужества отчасти повторяет историю норвежского брака ее тетки Мальфрид Мстиславны. В сагах сообщается, что король невзлюбил Кристину и отослал обратно в Данию. Это вызвало недовольство ее родни и существенно осложнило отношения между Данией и Норвегией.

Так или иначе, последний всплеск скандинаво-русских контактов в первой половине XII в. существенно повлиял на историю Северной Европы, и не последняя роль в этом принадлежала дочерям Мстислава Великого. Не только внук русского князя, Вальдемар,

сделался королем Дании. Потомки Мстислава по женской линии один за другим правили в скандинавских странах — его правнук, внук Мальфрид Мстиславны, вззошел на норвежский престол в 1163/64 г. и стал первым коронованным и помазанным правителем в Северной Европе, а праправнук Мстислава, правнук Ингибьёрг, владел шведской короной на рубеже XII — XIII вв. и на время закрепил ее за своей ветвью рода. За каждым звеном этого сухого генеалогического перечня стоит драматическая, полная событий борьба за власть, запечатленная в сагах и хрониках. Не всегда можно судить о том, как много эти скандинавские конунги знали о своих русских предках, но они, безусловно, хорошо помнили их имена. Если же учесть ту поистине огромную роль, которую родовое предание играло в средневековой Скандинавии, то можно представить, что в их памяти сохранялось немало рассказов о Рюриковичах.

Необходимо иметь в виду, что и мир Руси, и мир Скандинавии в XII столетии оставался родовым миром, где многое, если не все, измерялось в понятиях и категориях родства, где всякие контакты, всякая связь или непосредственно строилась на родственных отношениях, или напрямую уподоблялась им. Родственные связи четко определяли место средневекового человека в иерархии, и в то же время они способствовали осознанию открытости, проницаемости, единства европейского мира. История иностранных браков русских князей, как кажется, позволяет продемонстрировать то сочетание близости и отчужденности, которое существовало между правящими домами в эту эпоху.

До сих пор речь шла лишь о нехристианских династических именах: Рюриковичи называли их «княжьими» или «мирскими». При этом мы говорили о мирских династических именах как о самостоятельной замкнутой системе. Между тем, при всем консерватизме русского и скандинавского династического именованья ему довольно рано пришлось столкнуться с готовым набором новых для него имен, принесенных церковью. Необходимо учитывать, что природа имени как таковая в определенном смысле безразлична родовой традиции. Славянское или скандинавское, языческое или христианское — имя должно отсылать к уже существовавшему в роде «прототипу», тем или иным образом связывать с родичами. Упрощая дело, можно сказать, что родовое имя вовсе не обязательно должно быть местного, автохтонного происхождения, но необходимо, чтобы оно было именем предка.

Именно поэтому новые, неродовые имена входят в династическую традицию с немалым трудом и проникновение их в разных странах поздней христианизации осуществляется по-разному.

При этом правящие роды оказались в особенно трудном положении. С одной стороны, именно они были проводниками и распространителями христианства и потому первыми должны были принять христианские имена, предписываемые церковью. С другой же стороны, именно для них было особенно важно сохранение древних, исконных имен.

На Руси и в Дании на некоторое время восторжествовала двуименность, когда правитель получал как исконное, языческое по происхождению, так и крестильное, христианское имя. В Норвегии правители, как, впрочем, и их подданные, сделавшись христианами, продолжают носить исконные имена. Не только короли, но епископы и монахи зачастую фигурируют только под именами, отсылающими к языческому прошлому. В целом ряде скандинавских династий усвоение христианских имен протекало медленно, они так и не смогли окончательно вытеснить из обихода имена исконные.

Новый именованослов, по-видимому, осваивается в Скандинавии таким образом, что первыми в семьях (и не только королевских) христианские имена получают те, кто по тем или иным признакам располагают немаксимальной полнотой прав: дочери, младшие сыновья, побочные дети. Так, в течение первого столетия, непосредственно следовавшего за принятием христианства, складывается последовательная определенная практика именованослов бастардов христианскими именами.

Норвежская история XI—XII в. отличается редким изобилием незаконнорожденных сыновей конунга на престоле. Существенно, однако, что в эту эпоху, одним из средств выделения незаконного сына, которого отец признает и хочет наделить властными полномочиями, является христианское имя *Магнус*. Такое имянаречение становится своеобразной репликой на «языке имен», которая понятна наследникам конунга, его окружению, да, по-видимому, и значительной части населения полуострова. Это имя охотно подхватывается самозванцами, а также родичами конунгов по женской линии, которым в скандинавской перспективе выгоднее было при оспаривании престола походить на внебрачного сына правителя, чем мириться с положением законного ребенка сестры или дочери конунга.

В исследовании мы демонстрируем, как ситуация, возникшая почти случайно, при наречении ^{не} законного сына Олава Святого христианским именем *Магнус*, мгновенно превращается в образцовую, обрастает собственной традицией и становится все более значимой в следующих поколениях королевского рода. При этом в диссертации речь идет, разумеется, не об одном только имени *Магнус*, а, скорее, о тех ситуациях, которые позволяют выявить общие модели выбора христианских и нехристианских имен для потомков королевского рода.

Необходимо подчеркнуть, что далеко не все процессы, связанные с династическим именованием, протекали на Руси и в Скандинавии одинаково. Так, ни в одном из скандинавских правящих домов мы не обнаруживаем данных, позволяющих говорить об особой прагматической нагруженности наречения племянников в честь живого дяди. С другой стороны, сведения о том, как выбирались имена для незаконных детей князя на Руси, чрезвычайно интересны, но при этом крайне фрагментарны. Выстроить из них целостную систему невозможно не столько из-за скудости данных, сколько из-за того, что сама династическая ситуация на Руси в XI — XIII вв. была совершенно иной, чем в Норвегии.

Прежде чем говорить о специфике усвоения христианских имен, упомянем еще один раздел работы, где речь идет о существенных сдвигах в именовании династии, сдвигах, напрямую не связанных с принятием христианства. Речь идет о сюжете, когда два человека с явно скандинавскими именами *Игорь* и *Ольга* дают своему главному и прямому наследнику славянское имя *Святослав*. В определенном смысле эта часть диссертации позволяет проследить, как модель усвоения христианских имен встраивается в более общую модель усвоения династией новых имен как таковых.

Возвращаясь к эпохе христианизации, отметим, что столкнувшись с массовой “экспансией” христианского именователя, русская княжеская традиция немедленно выработала в качестве «ответной стратегии» двуименность. Однако уже во второй половине XI в. есть князья, которые в летописи упоминаются исключительно под своими христианскими именами. К началу XII в. число таких членов княжеского рода несколько возрастает, а к середине XIII в. их количество уже довольно велико. К XV в., как известно, старые мирские имена практически полностью вытесняются из обихода правящего рода. Что же происходит на начальных этапах этого

процесса? Какие же христианские имена первыми начинают употребляются у русских князей без мирских?

Прежде всего, это имена *Василько*, *Роман* и *Давыд*, т. е. христианские имена святых братьев Бориса-Романа и Глеба-Давида и их отца Владимира-Василия Святого. Условно говоря, христианское имя встраивается в родовую историю по следующей модели: сперва прославленный церковью князь носит его в качестве второго, крестильного имени, а затем его потомок получает это имя в качестве единственного, так как для него оно уже становится и родовым, и христианским одновременно.

Дело, однако, не ограничивалось исключительно именами князей, причисленных к лику святых. Довольно скоро в качестве единственного имени князя появляются и другие христианские имена предков. Два таких имени представлены в семье Владимира Мономаха — их носят его младшие сыновья, т. е., по-видимому, все его сыновья от второго брака.

Своего старшего сына от второго брака Мономах назвал *Юрием (Георгием)*, т. е. христианским именем своего деда, Ярослава-Георгия Мудрого. Имя *Юрий*, таким образом, оказывалось и родовым, и христианским одновременно, а династическая судьба Юрия Долгорукого, основателя новой ветви рода, добившегося, в конце концов, киевского стола, сделало это имя престижным родовым именем для его потомков.

На долю еще одного сына пришлось христианское имя отца Мономаха — Всеволода-Андрея Ярославича. Любопытно, что этот сын Мономаха появился на свет позже, чем один из его внуков. Внук был назван при рождении *Всеволодом*, тогда как сыну досталось крестильное имя предка *Андрей*.

Третий сын Мономаха от второго брака также известен только под христианским именем *Роман*. Такое имянарекание отсылает нас к крестильным именам князей мучеников Бориса-Романа и Глеба-Давида. Имена святых братьев к тому времени уже неоднократно различным образом воспроизводились в роду Рюриковичей. Предположение о том, что Мономах назвал своего сына именно в честь канонизированного родича может, помимо всего прочего, подтверждаться и тем фактом, что у новорожденного княжича и св. Бориса-Романа совпадают не только христианские

имена, но и христианские отчества — оба они становятся *Васильевичами*.

Если первоначально христианские и родовые имена были противопоставлены друг другу, то впоследствии, к XII в., христианское имя постепенно начинает совмещать в себе обе функции, является крестильным и родовым одновременно. Князья, нареченные таким христианским именем как *Роман, Давид, Василий, Георгий, Андрей, Михаил, Иоанн* в XII в. уже зачастую как бы не нуждаются в еще одном родовом имени. Иными словами, на протяжении XII в. христианские имена постепенно завоевывают место в качестве родовых, княжеских имен. Что же изменяется в принципах имянаречения?

В XII в. можно наблюдать, как некоторые «законы», действующие при выборе мирского имени, по-видимому, не работают при выборе имени христианского. В частности, сын мог быть назван крестильным именем своего живого отца. Так, например, Всеволод Большое Гнездо, который в крещении был *Дмитрием*, дает имя *Дмитрий* своему сыну, родившемуся на именины отца. Когда христианские имена постепенно превращаются в родовые, размываются и принципы выбора мирских, языческих по своему происхождению имен. Сын Всеволода-Дмитрия Большое Гнездо Ярослав-Федор в 20-е годы XIII в. дает одному из сыновей собственное крестильное имя *Федор*, тогда как другого сына называет своим мирским именем *Ярослав*. Последнее, конечно же, в корне противоречило исконной родовой традиции.

Вообще говоря, во многих европейских династиях со временем на первый план выступает тенденция к совпадению имени отца и имени сына, — уж очень заманчив был такой ход с точки зрения преемственности власти. Однако у князей Рюриковичей с тотальным распространением христианских имен родовые принципы имянаречения отнюдь не были позабыты. Они лишь принимают несколько иные формы, воплощаются с помощью других приемов и понятий.

При этом весьма любопытно следующее обстоятельство. В домонгольский период, когда у князей сохраняются две параллельные системы именования и в качестве родовых еще могут выступать языческие по происхождению имена, наблюдается своеобразный синкретизм в почитании христианских святых тезок. Князь, названный *Андреем*, может числить среди своих покровителей всех

свв. Андреев, будь то Андрей Первозванный, Андрей Юродивый, Андрей Стратилат, или Андрей Критский. Князь, носивший в крещении имя *Федор*, был связан со всеми многочисленными свв. Федорами из месящеслова. Правда, в случае с *Федорами*, например, в первую очередь в XI—XIII вв. выделялись фигуры святых воинов — свв. Федора Тирона и Федора Стратилата.

В определенном смысле объединение, отождествление святых-покровителей было для князей домонгольского периода важнее их расподобления, различения. В первую очередь это относится, конечно же, к святым-тезкам. Позднее, когда языческие имена уходят из княжеского обихода и полностью сменяются именами христианскими, можно наблюдать совсем иную картину.

Напомним, что в отношении христианских имен не существовало запрета на повтор имени живого отца. Ничто не мешало князю Рюриковичу быть *Иваном Ивановичем* или *Василием Васильевичем*. Однако каждый из этих, так сказать, поздних Рюриковичей чтит в качестве своего покровителя строго определенного св. Иоанна или св. Василия. Кроме прямых указаний, во чье имя был крещен князь, мы располагаем массой свидетельств такого особого почитания, начиная от мерных икон, которые писались в рост новорожденного княжича, и кончая вкладными поминальными записями по скончавшемуся князю.

При этом наблюдается строгая закономерность: если князя в XIV или XVI веке зовут *Иваном Ивановичем*, то отец его мог быть крещен, например, в честь Иоанна Предтечи, а он сам в честь Иоанна Лествичника или Иоанна Иерусалимского. У князя же *Симеона Симеоновича* отец был наречен в честь Симеона Столпника, тогда как сам он получил свое имя в честь Симеона Богоприимца. Соответственно, Василий Васильевич Темный был наречен в честь Василия Анкирского, тогда как его отец, Василий I — в честь Василия Великого.

Иными словами, отец и сын были тезками — что было на пользу с точки зрения преемственности властных привилегий — и в то же время, как бы и не были ими, что соответствовало духу исконной родовой традиции. Такое сознательное расподобление святых покровителей не было случайным и не определялось только календарем. Кроме продемонстрированной прямой закономерности, есть и косвенные данные, подчеркивающее крайне внимательное отношение к распределению патрональных святых в княжеской

семье. Если княжичу давалось христианское имя не живого, а умершего предка, то и святой покровитель для предка и потомка выбирался один и тот же. Так, например, Даниил, сын Ивана Калиты был назван, как и его прадед, Даниил Александрович Московский, именно в честь Даниила Столпника, а не, скажем, в честь пророка Даниила.

Любопытно при этом еще одно косвенное доказательство сложной системы распределения святых покровителей. В XIV — XVI в. в княжеской семье два родных брата, живущих одновременно, вполне могли носить одно и то же христианское имя. При этом святой-покровитель таких братьев-тезок был у них обязательно один и тот же. Так, у уже упоминавшегося Василия Васильевича Темного было два сына, вне всякого сомнения, крещеных в честь Андрея Стратилата, а два сына Юрия Звенигородского — Дмитрий Шемяка и Дмитрий Красный — были крещены, по-видимому, в честь Дмитрия Солунского.

Подчеркнем еще раз, что речь идет здесь о детях, которые жили в семье в одно и то же время. Однако, если младшего ребенка называли в честь умершего старшего, то действовали по тому же самому принципу. Таким образом, у поздних Рюриковичей святые покровители детей-тезок должны были совпадать, тогда как святые покровители отца и сына непременно различаться. При этом и для ранних, и для поздних Рюриковичей годились далеко не всякие христианские имена. Круг родовых христианских имен князей всегда оставался довольно замкнутым и ограниченным.

Итак, в XV—XVI вв. новорожденному в семье по-прежнему давалось родовое имя, но теперь уже почерпнутое из христианского антропонимикона. Как известно, перечень имен содержался в месяцесловах, где каждый день связывался с памятью каких-либо святых. Календарь, таким образом, не мог не играть хотя бы некоторой роли в именнаяречении. Иными словами, имя ребенка могло как-то связываться с датой его появления на свет. Связь эта порой была довольно нелинейной: с одной стороны, ребенка могли называть непосредственно по тому святому, в день памяти которого он родился. Однако с определенного времени на Руси появляется обычай наречения по восьмому, т.е. именем того святого, память которого приходилась на восьмой день после его рождения. Младенца могли

называть и по дню крещения, а если выбирали имя для девочки, то могли отсчитывать какое-то количество дней от ее рождения назад.

При этом Рюриковичи далеко не всегда называли в строгом соответствии с церковным календарем. Будущий правитель должен был получить родовое христианское имя, а ориентация на календарь могла быть довольно приблизительной или даже отсутствовать вовсе.

В домонгольский период, когда князь получал два имени — родовое языческого происхождения и христианское, также постепенно становящееся родовым, приблизительно до последней трети XII в. на календарь не всегда оглядывались. Вообще говоря, память святых при отсчете времени, по-видимому, начинает играть регулярную роль на Руси не очень рано, как раз с конца XII столетия. Лишь с рубежа XII—XIII вв. всякое событие настойчиво связывается с именем того святого, в день памяти которого оно происходит. Разумеется, такая актуализация связи с календарем не может пройти незаметно для принципов имянаречения.

Действительно, уже с XIII в. князь, с одной стороны, должен получить христианское имя, которое прежде носили его предки, родовое христианское имя. С другой стороны, дата его появления на свет сама по себе прочно связывалась с именем определенного святого. Очень часто, разумеется, на день его рождения приходится память какого-то святого, неподходящего для наречения Рюриковича. В результате у княжича оказывается как бы два христианских имени — одно, предназначенное ему родовой традицией, и другое, выпавшее ему волею случая. Родовое христианское имя становилось его публичным, официальным, крестильным, княжеским именем. Календарное же имя оказывается второстепенным, но при этом, так сказать, более интимным, частным, связанным с его личной церковной жизнью. Для Дмитрия Константиновича Суздальского таким вторым христианским именем *Фома*, для Ивана Грозного — *Тит*, для его отца, Василия III, *Гавриил*, для его деда, Ивана III, *Тимофей*, для сына Грозного, Дмитрия, — *Уар*.

Показателен выбор имени для Семена Ивановича Гордого. Иван Калита, дававший имена свои детям строго по церковному календарю, сделал исключение только для старшего сына, родившегося 7 сентября 1317 г. «на память святого мученика Созонта». Новорожденному было дано имя *Симеон*. При этом на 1 сентября (т. е. за 6 дней до его рождения) приходилась память Симеона Столпника, прославленного покровителя русских князей, а

на 13 и 18 сентября (т.е., соответственно, через 6 и 11 дней после его рождения) — память Симеона Иерусалимского. Вопрос о патрональном святом князя Семена остается открытым, однако для нас существенно, что имя *Созонт* не исчезает окончательно из жизни князя с момента наречения его *Симеоном*. Судя по его духовной грамоте, перед смертью Семен Гордый принимает постриг под именем *Созонта*, т.е. под именем того святого, в чей день он появился на свет.

Весьма характерна в этом отношении композиция образка, который был у крестного отца сына Грозного, Ивана Ивановича. Очевидно, что этот сохранившийся артефакт был напрямую связан с рождением и крещением царевича. На лицевой стороне образка был изображен св. Иоанн Лествичник, а на оборотной — свв. Марк, епископ Арефусийский, и Кирилл диакон. Действительно, царевич известен под своим родовым христианским именем *Иоанн*, которое совпадает с именем его отца. При этом у Грозного святым покровителем был Иоанн Предтеча, тогда как у наследника — св. Иоанн Лествичник. Родился же царевич в день празднования памяти свв. Марка Арефусийского и Кирилла диакона. Их имена явно не годились для официального имени царского сына, но при этом всю жизнь сопровождали его в качестве дополнительных.

Перед нами, таким образом, своеобразная христианская двуименность Рюриковичей, которая сильно напоминает прежнюю двуименность домонгольского периода. Напомним, что князья носили тогда родовые, языческие по происхождению имена, под которыми они правили. Христианские имена значительной части Рюриковичей оставались как бы в тени, упоминались явно гораздо реже. Со временем формируется круг родовых христианских имен, а родовые языческие имена постепенно выходят из обихода. При этом сама двуименность как модель княжеского именованья отнюдь не исчезает — у князей могут быть вторые христианские имена, связанные с датой их появления на свет.

Модель двуименности теснейшим образом связана с той двойной генеалогией, которую Рюриковичи приобретают со времен крещения Руси. В самом деле, каждый князь включен в мир предков, властителей, связь с которыми является главнейшей основой его собственного права на власть. В то же время он связан как со своими небесными покровителями, христианскими святыми, так и с небесными покровителями всего своего рода. Двойное именование князя, таким образом, определяет его существование в двух

генеалогических перспективах, которые не противоречат и не исключают друг друга.

“Целесообразнее изучать не историю имени, а историю выбора имен”... Это высказывание немецкого историка Макса Кайля могло бы послужить эпиграфом к настоящей диссертационной работе. В нашем исследовании мы пытались рассмотреть историю правящих родов Скандинавии и Руси не как историю событий и свершений, а как историю планов, намерений и устремлений, порой осуществившихся в исторической действительности, а порой так и не нашедших своего воплощения. Эти намерения и устремления запечатлены в сложном и изощренном “языке имен”, понятном современникам и ближайшим потомкам, но не всегда прозрачном для человека Нового времени. Имена оказываются ценнейшими, но с трудом поддающимися расшифровке свидетельствами внутренней жизни династии. История выбора имени — это всегда история уникальной судьбы и в то же время история рода, история всей культурной традиции, в которой этот род существует.

На примере русской и скандинавской династической антропонимии можно воочию увидеть, что стоит за словами “эпоха двоеверия”, можно проследить как живые люди в реальных ситуациях оказываются перед необходимостью сочетать два начала — традиционное, восходящее к язычеству, и новое, христианское. Вырабатываются очень тонкие механизмы и создаются сложные модели-образцы, постепенно формирующие христианскую культуру Руси и Скандинавии. Наречение именем — акт чрезвычайно важный как для язычника, так и для христианина, и потому особенно показательно, что в Скандинавии, например, история выбора имени оказалась историей относительно мирного взаимодействия язычества и христианства.

**Основные положения работы отражены
в следующих публикациях:**

КНИГИ

1. Имя и власть: выбор имени как инструмент династической борьбы в средневековой Скандинавии. М., Языки русской культуры, 2001. 144 с.
2. Скандинавы — Варяги — Русь: Историко-филологические очерки. М., 2002.
3. Name und Macht: Die Wahl des Namens als dynastisches Kampfinstrument im mittelalterlichen Skandinavien. "Peter Lang", Frankfurt am Main, 2004 (Texte und Untersuchungen zur GERMANISTIK und SKANDINAVISTIK / Hrsg. von Heiko Uecker. Bd. 52).
4. Выбор имени у русских князей в X—XVI вв.: Династическая история сквозь призму антропонимики. М., «Индрик» [в соавторстве с А.Ф. Литвиной], в печати.

СТАТЬИ

1. К одной из древнескандинавских версий крещения Руси (конунг Олав Трюгвасон как апостол норманнов в саге монаха Одда) // Восточная Европа в древности и средневековье (контакты, зоны контактов и контактные зоны). 11 Чтения памяти В.Т. Пашуто. Материалы конференции. М., 1999. С. 158-163
2. Asgard, Midgard und Utgard in Kontext der altskandinavischen Toponymie zur Bezeichnung osteuropäischer Orte. – Eine Etüde zur euhemeristischen Interpretation einiger mythologischen Objekte bei Snorri Sturluson // Das Wort. Berlin, 2000
3. К вопросу о соотношении языческого и христианского имени. Древнерусские антропонимические дублеты в типологическом освещении // Славяне и их соседи. Христианский мир между Римом и Константинополем. Материалы конференции. М., 2000 [в соавторстве с А.А. Гиппиусом]
4. Варяжское имя в русском языковом обиходе (к этимологии слова "олух") // Древнейшие государства Восточной Европы 1999. М., 2001.
5. Роль имени в организации и разрушении мифа: Младшая Эдда как памятник переломной эпохи // Имя: внутренняя структура, семантическая аура, контекст. Тезисы

международной научной конференции. М., 2001. Ч. 1. [в соавторстве с А. Ф. Литвиной]

6. К вопросу о происхождении русских отчеств // Восточная Европа в древности и средневековье: Генеалогия как форма исторической памяти. XIII Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Москва, 11–13 апреля 2001 г.: Тез. докл. М., 2001.

7. Языческое и христианское имя в Скандинавии и на Руси // XIII конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докладов. Архангельск, 2001

8. Выбор славянского и греческого имени для русского князя // Славяне и их соседи. XX конференция памяти В.Д. Королюка: Становление славянского мира и Византия в эпоху раннего средневековья. Сборник тезисов. М., 2001. [в соавторстве с А.Ф. Литвиной]

9. Из истории Швеции XI века: конунг Стейнкель в Саге о Хервёр и у Адама Бременского // Восточная Европа в древности и средневековье: Мнимые реальности в античной и средневековой историографии: XIV Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Москва, 17-19 апреля 2002 г.: Материалы конференции. М., 2002.

10. Из истории России XVI века: реальные имена и мнимые даты в жизни Дмитрия Угличского // Восточная Европа в древности и средневековье: Мнимые реальности в античной и средневековой историографии: XIV Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. Москва, 17-19 апреля 2002 г.: Материалы конференции. М., 2002. [в соавторстве с А.Ф.Литвиной]

11. Olof Skötkonungs dotter Ingegerds ryska namn // Släkt och Hävd. Nr. 4. 2001.

12. Пути усвоения христианских имен в русских княжеских семьях XI — начала XIII в. // Религии мира: История и современность. 2002 / Отв. Ред. А.В. Назаренко. М., 2002. С. 36—109 [в соавторстве с А.Ф. Литвиной]

13. Два рассказа о Рогнеде, дочери Рогволода Полоцкого (К проблеме интерпретации летописного текста) // Раннесредневековый текст: Проблемы интерпретации / Отв. Ред. Н.Ю. Гвоздецкая, И.В. Кривушин. Иваново, 2002. С. 299—325 [в соавторстве с А. Ф. Литвиной].

14. Единого деда внуки // Родина. 2002. № 11/12. Специальный выпуск: Древняя Русь. С. 143–147.

15. Манифестация авторства в «Книге об исландцах» священника Ари Торгильссона // Восточная Европа в древности и средневековье. Автор и его текст. XV Чтения Памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Москва, 15-17 апреля 2003 г.: Материалы конференции. М., 2003.

16. Летописные рассказы о Рогнеде-Гориславе // Восточная Европа в древности и средневековье. Автор и его текст. XV Чтения Памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Москва, 15-17 апреля 2003 г.: Материалы конференции. М., 2003. [в соавторстве с А. Ф. Литвиной]

17. К стратегии именования у Рюриковичей XII в. (Наречение племянника по живому дяде) // Ruthenica. Київ, 2003. Т. II. С. 126–153. [в соавторстве с А. Ф. Литвиной]

18. Christliche und heidnische Namen im mittelalterlichen Skandinavien: Magnus als Name für ein illegitimes Kind des Herrschers // Scandinavia and Christian Europe in the Middle Ages. Papers of The 12th International Saga Conference Bonn/Germany, 28th July — 2nd August 2003 / Ed. By Rudolf Simek and Judith Meurer. Bonn, 2003.

19. Dynastic names in medieval Scandinavia and Russia (Rus'): Family traditions and international connections // Studia anthroponymica Scandinavica: Tidsskrift för nordisk personnamnsforskning. 2003. Vol. 21.

20. Тёзки и их патрональные святые в семье Рюриковичей // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2003. Декабрь. № 4 (14). [в соавторстве с А. Ф. Литвиной]

21. Варьирование родового имени на русской почве: Об одном из способов имянаречения в династии Рюриковичей // Именослов. Записки по исторической семантике имени / Сост. Ф.Б. Успенский. М., 2003. [в соавторстве с А. Ф. Литвиной]

22. «И наречен бысть отчим именем...»: Небесные покровители князей-тёзок // Родина. 2003. № 11/12. Средневековая Русь. Часть 1.

23. Краткий очерк антропонимической ситуации в династии Рюриковичей (Предварительные итоги исследования) // «Индрик» 10 лет. М., 2003. [в соавторстве с А. Ф. Литвиной]

24. Имена и семейные связи галицких князей в эпоху Миндовга // Литва эпохи Миндаугаса и ее соседи: Исторические и

культурные связи параллели. Тезисы международной научной конференции. 11-12 декабря 2003 г. М., 2003. [в соавторстве с А. Ф. Литвиной]

25. Категория свойствá (mágsemd) в древнескандинавской модели родовых отношений: К постановке проблемы // Слово в перспективе литературной эволюции: К 100-летию М.И. Стеблин-Каменского / Отв. ред. О.А. Смирницкая; Сост. О.А. Смирницкая, Ф.Б. Успенский. М., 2004.

26. Иларион и Антоний: Имена и времена в биографиях первых русских подвижников // Восточная Европа в древности и Средневековье: Время источника и время в источнике. XVI Чтения Памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Москва, 14-16 апреля 2004 г.: Материалы конференции. М., 2004. С. 110-114 [в соавторстве с А. Ф. Литвиной]

27. *Лютый зверь* на Руси и в Скандинавии // Славяноведение. 2004. Т. 2. С. 88-105.

28. Об одной группе княжеских печатей XII в. // Двенадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Москва, 19-24 апреля 2004 г. Тезисы докладов и сообщений. М., 2004. С. 241-242 [в соавторстве с А. Ф. Литвиной]

29. Сколько христианских имен могло быть у князя Рюриковича? // Оппозиция светское / сакральное в славянской культуре / Отв. ред. Л.А. Сафронова, М.В. Лескинен. М., 2004. С. 180-213.

30. Княжеские патрональные святые и учреждение общерусских церковных праздников // Репрезентация верховной власти в средневековом обществе (Центральная, Восточная и Юго-Восточная Европа). Славяне и их соседи: XXII конференция памяти В.Д. Королюка. Тезисы докладов. М., 2004. С. 95-99.

31. Поэтика и сфрагистика: к анализу легенды на печати короля Сверрира // XV Конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. Москва, 23-26 июня 2004 г. Тезисы докладов. Ч. I—II. М., 2004. Ч. II. С. 432-434.

32. *Мстиславля Христина*: Шведско-новгородские связи конца XI в. // XV Конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. Москва, 23-26 июня 2004 г. Тезисы докладов. Ч. I—II. М., 2004. Ч. I. С. 187-189.

33. «Яростный как лев, кроткий как агнец»: Легенда печати и легенда власти в Норвегии XII-XIII вв. // *Historia animata*. Памяти Ольги Игоревны Варьяш. Ч. 1—3. М., 2004. Ч. 3. С. 39-54.

34. Святые-тёзки и почитание небесных покровителей в роду Рюриковичей // *Вопросы ономастики*. 2004. Вып. 1. [в соавторстве с А. Ф. Литвиной].

35. Крестильное имя Кнута Великого и пенни короля Этельреда II с изображением *Agnus Dei* // *Одиссей*. Человек в истории. Рыцарство: реальность и воображаемое. 2004. С. 281-298.

36. Из династической истории Швеции XI в. // *Древнейшие государства Восточной Европы 2003* / Отв. ред. Т. Н. Джаксон. М., 2004.

37. Брак Мстислава и Кристины: К вопросу о русско-шведских династических связях XI — начала XII вв. // *Мозаика шведской культуры* / Сост. и отв. ред. Т.А. Торштендаль-Салычева. М., 2004.

38. Словарь Н.М. Тупикова и принципы имянаречения в Древней Руси // *Н.М. Тупиков*. Словарь древнерусских личных имен собственных / Сост. Ф.Б. Успенский. М., «Языки славянских культур» (в печати).

39. «А прямое имя ему Уар»: Из семейной истории Ивана Грозного // *Родина*. Специальный выпуск: Эпоха Ивана Грозного. (в печати).

40. Кем была Мария Всеволожая? Отчество и происхождение трех русских княгинь XII в. // *Древнейшие государства Восточной Европы* / Отв. ред. Т.В. Гимон [в соавторстве с А. Ф. Литвиной] (в печати).

41. Женские династические имена на Руси XI — XII вв. // *Сборник к 70-летию Т.М. Николаевой* [в соавторстве с А. Ф. Литвиной] (в печати).

42. «Отнее имя» в династической практике Рюриковичей домонгольской поры // *Paleoslavica* [в соавторстве с А. Ф. Литвиной] (в печати).

43. Заметки о бытовании отчеств в домонгольской и московской Руси // *UCLA Slavic Studies* / Ed. by V.V. Ivanov (в печати).

44. A brief survey of the anthroponymic situation in the dynasty of Rurikides // *Sign theories in use. EFSS'2004* / Ed. by K. Bankov. Sofia [в соавторстве с А. Ф. Литвиной] (в печати).

45. Имена в агиографической традиции и исторической действительности средневековой Руси: Уподобление и подражание // Именослов: Записки по исторической семантике имени / Сост. Ф.Б. Успенский. Вып. 2 [в соавторстве с А.Ф. Литвиной] (в печати).

Для заметок

